

Темы докладов на ближайших двух семинарских занятиях:

1. Географическое направление в русской социологии. Л.И. Мечников, его основные труды и идеи.
2. Органическое направление в русской социологии: Н.Д. Ножин, А.И. Стронин, П.Ф. Лилиенфельд.
3. Субъективная школа в русской социологии. Главные темы, представители, общеметодологические принципы.
4. Основы субъективного метода, теория потребностей в социологии П.Л.Лаврова.
5. Теория исторического процесса П.Л. Лаврова. Методологическая проблема сочетания причинно-следственного и этического подходов к социальной реальности.
6. «Формула прогресса» П. Лаврова и Н. Михайловского: сравнительный анализ.
7. Теория личности и учение о нравственности в трудах социологов русского субъективизма. Панморализм и этикоцентризм их социологических воззрений.

На ближайших семинарах доклады и подготовку к занятиям — по первым русским позитивистам: географическое и органическое направления в русской социологии. Доклады по органической школе можно разбить по персоналиям, фамилии которых указанных в вопросе 2.

Литература к теме — ранее высланная вам в общем списке по курсу ИРС.

Лекция по Петру Лавровичу Лаврову (в связи со сбоем в интернете во время лекции 15-го февраля) — полностью во вложенном здесь файле.

В ней особое внимание нужно обратить на общефилософские взгляды (мировоззрение), а также на метод (гносеологию) Лаврова относительно постижения реальности, как он ее понимает и трактует. Без этих общетеоретических установок его будет затруднительно понять как социолога. Фигура Лаврова заслуженно авторитетна и масштабна в философском плане и входит в курс по русской философии, однако социологические моменты и положения его теории несомненны.

По наиболее интересующей нас социологической тематике внимательно прочитать разделы по его концепции критически мыслящей личности, социальной и политической философии.

ЛАВРОВ П. Л.

У него выражено не только социальное, но и этическое начало, которое непосредственным образом запечатлено в его философских произведениях. Вместе с тем в нем были сильно развиты еще два, казалось бы, противоположных качества: последовательно проводимый научный скепсис, гносеологическая осмотрительность, осторожность, с одной стороны, с другой – тяга к построению всесторонней, целостной по своему замыслу философской системы, кумулятивизм, стремление к всеобщему и его философское осмысление, вкус к системосозидающей философской деятельности.

Общие черты мышления и трактовка философии.

В Лаврове-мыслителе было ярко выражено не направления, у Лаврова нет специально и детально разработанной онтологии и гносеологии. Сравнительно мало писал он и о методологических проблемах. Это объясняется тем, что у Лаврова исходным, да, пожалуй, и конечным пунктом философии был **индивид, личность**. По его словам, «...основною точкою исхода философского построения является человек, проверяющий себя теоретически и практически и развивающийся в общежитии». Отсюда вытекает первый и ведущий признак мировоззрения Лаврова – антропологизм. Однако, поскольку человек, по Лаврову, явление комплексное, принадлежащее миру природы, обществу и духовной реальности сознания, то одной из главных предметных областей философии является мир объективной, лежащей вне субъекта действительности. Отношение Лаврова к фундаментальным философским вопросам определялось его пониманием философии и ее структуры как теоретического знания: «...философская мысль есть специально мысль объединяющая, теоретически-творческая в смысле объединения, черпающая свой материал из знания, верования, практических побуждений, но вносящая во все эти элементы требование единства и последовательность». Из этой формулировки следует, что философия для Лаврова – это такая теоретическая форма знания, которая опирается не только на научное знание, но и на повседневный опыт, верования – в смысле критически проверенного знания, ставшего тем самым убеждением, – и на определенные практические, прежде всего нравственные императивы. Спецификой философского знания является его обобщенный характер. Антропологическая философия, которая мыслилась Лавровым как философия научная, исторически возникает на базе лучших достижений мирового историко-философского процесса и научной мысли. Лавров выдвигает положение о том, что «материализм, позитивизм и эволюционизм, оставаясь односторонними, дали весьма важные частные указания для построения научной философской системы». Антропологическая, изначально комплексная точка зрения Лаврова в сочетании с его стремлением к решению практических и вместе с тем всеобщих по своему масштабу проблем бытия человека, в первую очередь нравственных и общественных, как бы отодвигали проблему сущности природы и материи на второй план. Сама философия рассматривалась им как не более чем одна из форм, один из способов обеспечения научного прогресса, истины и справедливости, достижения человеческой солидарности и т.п. Наряду со специальным определением философии она понимается Лавровым и как определенная человеческая деятельность, склонность человеческого ума. В этом пункте он занимает предельно демократическую позицию. Так, он пишет: «...философия есть нечто весьма обыденное, нечто до такой степени нераздельное с нашим существом, что мы философствуем не учась, при каждом произносимом слове, при каждом осмысленном действии, философствуем хорошо или дурно, но постоянно и неудержимо». Теоретической заслугой Лаврова является разработка самой проблемы философии. Ему удалось хорошо показать специфику философии как вида интеллектуальной деятельности человека. «Философия, – по его мнению, – есть понимание всего

сущего как единого и воплощение этого понимания в художественный образ и в нравственное действие. Она есть процесс отождествления мысли, образа и действия»²⁶⁸. Отсюда следует, что «философствовать – это развивать в себе человека как единое стройное существо»²⁶⁹. Он углубляет и расширяет сформулированную в культуре Древней Греции идею, что философия родилась из удивления и является любовью к мудрости. Лавров анализирует ее как одну из естественных потребностей (желаний) цивилизованного человека, Homo sapiens, как такую потребность, которая синтезирует в себе потребность в знании, в нравственном идеале и в творчестве. Она вносит смысл и человеческое значение во все, что становится ее предметом. Кроме того, она выполняет функцию самосознания личности. Одно из общественных определений философии, даваемое Лавровым, имеет следующий вид: «Философия опирается на науку и ею питается. Из фактов последней философия строит одно стройное целое, не имея права ничего выкинуть, ничему противоречить».

Причисляя себя к сторонникам антропологического материализма или, по его терминологии, реализма, он давал специфическую характеристику этой, наиболее предпочтительной для него философии. Ее особенность связана с тремя принципами антропологии. Согласно первому, философия должна предполагать человека и начинаться с конкретной человеческой личности. Лавров показывает это «личным принципом действительности». Второй антропологический принцип философии – «принцип реального знания: все, что мы сознаем, не находя противоречия при этом сознании... представляет нам реальное бытие». Наконец, третий антропологический принцип, который Лавров называет «скептическим принципом метафизики», гласит: «Процесс сознания не дает возможности решить, есть ли он сам как действительный процесс, результат реального бытия, или реальное бытие есть его продукт». На первый взгляд может сложиться впечатление, что этот принцип, который можно назвать и метафизическим (в смысле – философским, основополагающим) принципом скептицизма, является типично агностическим, т.е. утверждающим невозможность решить вопрос о первичности сознания или природы («реального бытия»). Однако в данном случае речь идет всего лишь о необходимости подчеркнуть, что сам по себе процесс мышления не дает ответа на вопрос о соотношении бытия и сознания, поскольку это вопрос не теоретический, а практический, ибо в практике своей человек доказывает «посюсторонность» своего мышления, его неотделимость от объективной действительности. Но главное, что стремится подчеркнуть Лавров, определяя специфику своей философской позиции, состоит в утверждении вторичности философии по отношению к конкретному материально-духовному человеку. Сначала человек, потом философия – вот основная идея Лаврова. Вместе с тем, эта, казалось бы, здравая идея порождает известный дуализм (двойственность) и даже плюрализм, когда она превращается в онтологический принцип, т.е. в утверждение относительно статуса и сущности бытия. Поскольку личность рассматривается Лавровым как первичная не только по отношению к мышлению, философствованию и ее продукту – философии, но и по отношению к предметному, объективному и независимому от нее содержанию, то в конечном счете проблема приоритетов в отношении сознания и внешнего мира оказывается смазанной, вторичной по отношению к реальному человеку. В самом деле, если признавать человека одной из разновидностей бытия, чем-то онтологическим, то мысль, сознание признаются им вторичными, и таким образом утверждается своего рода материализм, или натурализм, или даже натуралистический антропологизм. Традиционно такая позиция называется антропологическим материализмом, представленным Фейербахом, Чернышевским и тем же Лавровым. Однако если человек, и прежде всего человек, признается приоритетной реальностью, то возникает тенденция рассматривать природу как что-то вторичное, если не производное от человека (что формулируется в так называемом сверхсильном антропном принципе), то по крайней мере как

нечто, о чем невозможно судить помимо и вне человека. Лавров здесь неоднозначен и предлагает не более чем альтернативную формулировку: чтобы построить антропологическую философскую систему, «можно выйти из внешнего мира как данного, или можно упереться на сознание своего Я, или можно принять за исходную точку факт вечного движения исторического процесса... Сознание, внешность и развитие составляют три начала стройной метафизики для нашего времени, и первое, не исключая других, имеет над ними преимущество как наиболее неоспоримое». Нетрудно заметить, что в конечном счёте он склоняется к мысли, что для человека наиболее очевидной реальностью оказывается сознание как его собственная непосредственная реальность. За определенный эклектизм, нерешительность в определении приоритетов Лаврова критиковали как «слева» (Н.Г. Чернышевский), так и «справа» (Н.Н. Страхов). Сам Лавров отводил от себя обвинения в эклектизме, полагая, что это не эклектизм, а вполне законный скептицизм в отношении метафизических (эмпирически не подтверждаемых) утверждений и проявление тенденции к энциклопедичности, всесторонности, не нашедшей еще своего целостного выражения. При этом он настаивал на том, что его философия – это своеобразная форма антропологизма.

Проблема координации человека, сознания и природы

Вместе с тем, следует признать, что в рамках теории эволюции, которую он, безусловно, разделял, проблема человека разрабатывалась Лавровым на базе идеи происхождения человека из природы и его вторичности по отношению к ней. Однако, подчеркнём ещё раз, в общефилософском плане его материализм был выражен слабее, имел характер ограниченного материализма, так сказать, материализма с оговорками. «...Мы, – писал, например, Лавров, – имеем реальную причину полагать, что внешность существует независимо от нашей мысли, что, напротив, наше сознание есть продукт внешних процессов, что внешность существовала задолго до начала процесса нашего сознания и будет существовать долго после его прекращения, но логически мы не в состоянии совершить переход от личного (субъективного) представления внешнего мира к его независимому от нас (объективному) существованию». Лавров не считает, что его аргумент о невозможности логического перехода от субъективного к объективному является аргументом против материализма, и надо заметить, что эта точка зрения укрепились в истории философии и в настоящее время является преобладающей, скажем, в современном прагматическом натурализме. Философский скептицизм Лаврова заставляет его защищать положение, что «с точки зрения антропологизма... невозможно знать так называемые вещи в себе или сущности вещей. Теоретический и практический миры остаются неизвестными по их сущности и представляют для человека совокупность познаваемых явлений с непознаваемой подкладкой. Следует решительно отказаться от познания этой метафизической сущности и ограничиться при философском построении гармоническим объединением мира явлений». При всей своей кажущейся нерешительности Лавров был весьма последователен, подчеркивая все время то обстоятельство, что его рассуждения о традиционных философских проблемах суть рассуждения с точки зрения человека и потому субъективный элемент является неустранимым компонентом при решении любого вопроса философии: «...всякое мышление и действие предполагает, с одной стороны, мир, как он есть, с законом причинности, связывающим явления; с другой стороны, предполагает возможность постановки нами целей и выбор средств по критериям приятнейшего, полезнейшего, должного. Но то и другое существует не само по себе, а для нас, следовательно, предполагает человека в общественном строе, при взаимной проверке и взаимном развитии мнений о мире и целях деятельности». Несмотря на очевидные мотивы антропологизма и позитивистского скептицизма в понимании Лавровым объективной действительности («мира», «внешности»), он отмежевывается и от агностицизма, и от метафизического материализма,

предпочитая, напомним, определять свою философию как реализм. Реалистом в философии Лавров считал себя прежде всего потому, что полагал самой «реальной» реальностью не просто сознание человека, но человека целостного, одновременно материального, телесного и мыслящего, сознающего. Далее, по Лаврову, одинаково возможной и необходимой предпосылкой мышления и действия является реальный мир, который «однороден» по отношению к человеку, т.е. соответствует нашему представлению о нем, так как и мы, люди, суть часть всеохватывающей природы. Реальный мир развивается по законам, составляющим необходимые связи в мире, его основанием является такой субстрат (основа), который находится в движении и вызывает представление. В суждениях Лаврова о материальном мире нельзя не отметить и того, что он называет важнейшие атрибуты (основополагающие качества) материи и, что особенно примечательно, – определяет материю как вызывающую представление о ней в сознании человека, т.е., по сути, определяет материю через ее отношение к сознанию. Эту процедуру впоследствии повторил В.И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

Сознание, познание и знание

Если вопрос об объективной действительности решается Лавровым главным образом через решение проблемы сущности философии как специфического рода знания и деятельности человека, то проблема сознания, знания и познания напрямую связана с характеристикой личности. В этом проявляется антропоцентризм его философии. Можно даже сказать, что проблема познания и знания представляет собой «знаниевый» аспект антропологии как учения о человеке. Знание и познание Лавров объясняет, исходя из онтогенеза и филогенеза человека. Становление и развитие человека суть становление и развитие знания. Однако прежде чем подробнее анализировать понимание Лавровым природы познания и знания, следует сделать некоторые оговорки. В его суждениях о человеке и познании преобладает именно антропологическая, а не социально-практическая исходная установка. Это определяется постулатом Лаврова, согласно которому, личность и общество имеют «свое особенное начало»²⁸⁰ и, более того, хотя вне общества человеческое существо «погибло бы прежде, чем развилось», «изучение личности должно предшествовать изучению общества...». Ясно, что это позволяло Лаврову не отождествлять свою философию с материалистическим пониманием истории, с идеями о решающей роли труда в генезисе сознания и другими положениями учения Маркса и Энгельса, с работами которых он был достаточно хорошо знаком и относился к их авторам с глубоким уважением. В чем же сущность лавровской интерпретации знания? В логическом отношении первичным пунктом его философской системы и человеческой реальности является самосознание: «То, что отделяет, различает людей одного от другого должно служить точкою исхода. Это есть явление самосознания, отличия своего Я от внешнего мира, от других существ. С явления сознания начинается духовная жизнь человека; с явления самосознания начинается его отдельное, самостоятельное, личное существование». В генетико-антропологическом и психогенетическом аспекте развитию знания соответствует развитие сначала примитивных и грубых, потом все более дифференцированных и возвышенных потребностей, которые Лавров обычно называет желаниями и нередко отождествляет со стремлением к наслаждению, понимаемому не гедонистически, а исключительно широко. Стремление к наслаждению – исходное начало чувства и побуждения, начальное психическое явление.«...В желании, – пишет Лавров, – лежит, во-первых, представление предмета, во-вторых, сознания моего Я, в-третьих, признание некоторого отношения между мною и этим предметом». Желание, таким образом, – это своего рода изначальная открытость человека, его фундаментальное отношение к окружающей действительности, побудительная сила к его обнаружению и связи с ним. В то же время со стороны своего содержания знание имеет три источника: «явление сознания знакомит

человека с его собственным Я; явления внешнего мира ставят его лицом к лицу с природою; факты предания связывают его с жизнью минувших поколений»²⁸⁴. Важно обратить внимание на то, что Лавров говорит о явлении сознания и явлении природы, а не об их сущности. Это – чётко выраженная феноменалистская позиция, связанная как с кантианством, так и с классическими формами позитивизма. Поэтому и общая формулировка познания имеет у Лаврова следующий вид: «Из всей совокупности явлений мною воспринимаемых, я строю с разных точек зрения вселенную, мир, природу. Всё целое во внешнем мире принадлежит мне, моему построению. Я получаю только отдельное, отрывочное». Мысль Лаврова постоянно балансирует на грани материализма и агностицизма позитивистского типа, что оборачивается эклектизмом, а иногда и дрейфом в субъективизм. Так он пишет: «...всё мое знание внешнего мира сводится на ряд явлений, происходящих в моем Я». Еще более рискованно его утверждение о том, что «история и природа оказались представлениями, результатами мышления нашего Я; но оно само невыделимо от предметов, которые им представляются, о которых оно мыслит... Мое Я постоянно развивается под влиянием истории и природы, той самой истории и природы, которую я сознаю только в моем изменяющемся Я». Приведенное суждение весьма противоречиво. Имеет явный оттенок субъективизма идея, согласно которой природа и история суть результаты мышления нашего Я. Это, как говорилось в советской философии, – субъективный идеализм. Не вызывает принципиальных возражений мысль о логической невыводимости Я, сознания из предметов. Но явно противоречива концовка цитаты: движущей силой Я, сознания является природа и история, но только в Я это может осознаваться. Разумеется, это так, но его решение о характере фундаментальной связи сознания и бытия остается уклончивым. Исключительное значение Лавров придавал деятельностному аспекту знания. Если наука в традиционном ее значении должна, в конечном счете, подчинить себя нравственному и социальному идеалу, а в предметном отношении – иметь дело с явлением, но не с сущностями, то смысл знания более фундаментален. Знание как процесс, деятельность, т.е. как познание, выполняет функцию такой связи человека с бытием, в которой происходит распредмечивание, дематериализация объекта знания, превращение материального в идеальное. «Предмет, – пишет Лавров, – переходя через процесс моего познания, потерял свою реальность... и в этом случае мы видим, что сознание, обдумывание, мышление лишает то, что мы узнаём, части его бытия, переводя его в нашу мысль, делая его достоянием нашей мысли». В своем анализе познавательной и практической деятельности человека Лавров не использовал употребляемых Марксом понятий «опредмечивание» и «распредмечивание» (да и едва ли он был знаком с его работой «Экономико-философские рукописи 1844 года», в которой ранний Маркс обсуждает сущность этих процессов), тем не менее, у русского философа речь идет именно об этом. Правда, если Маркс рассматривает их в связи с трудом и практикой в ее широком смысле, в том числе и в социально-историческом, то у Лаврова спектр рассмотрения этих процессов гораздо уже. Кроме того, он не распространяет процессы опредмечивания и распредмечивания на самого человека и тем более не ставит проблему отчуждения человека. И все-таки нельзя не видеть оригинальности в подходах Лаврова к вопросам познания, плодотворности истолкования соотношения материального и идеального, практического и теоретического. Применительно к практическому в деятельности человека Лавров употребляет термин «творчество». Если знание, по Лаврову, уменьшает бытие предмета, поскольку не может вместить всего его богатства и так или иначе абстрагируется от тех или иных его сторон, то творчество, напротив, «увеличивает бытие того, на что оно обращено...». Творчество – это облечение реальностью состояний и движений духа. Свою идею творчества как внесения, оформления духа в бытие и тем самым увеличения последнего Лавров раскрывает в основном в ходе исследования эстетического творчества. Но как бы ни ограничена была область применения этого принципа, заслуги Лаврова в разработке проблемы творчества,

опредмечивания и распредмечивания в человеческой деятельности, несомненны. Нельзя не дать высокой оценки общей практической направленности лавровской теории познания, знания и деятельности. «Постоянное внесение всего своего знания, – пишет Лавров, – всего своего бытия в свои создания – это есть условие философии в творчестве... она представляет собой вечную борьбу с созданным во имя создающегося. И тогда, когда мы принимаем уже существующие формы, мы их принимаем во имя критики после борьбы с ними, признав их удовлетворительными, но признав за собой право отыскать новые формы в случае нужды... Все заслуживает уважения лишь настолько, насколько сознано после критики как достойное уважения». Увязывание Лавровым в одно единое целое познания, творчества и критики всего существующего подводит нас к его концепции человека и критически мыслящей личности. Личность, индивид – центральная тема философских, этических и социологических размышлений Лаврова, ибо «человек снова стал центром всего мира, но не для мира, как он существует сам по себе, а для мира, понятого человеком, покоренного его мыслью и направленного к его целям». И именно поэтому у него нет какого-то изолированного от социологии и политики, этики и эстетики понимания личности, напротив, исходной предпосылкой для этих теорий служит его идея критически мыслящей личности.

Критически мыслящая личность

Философской предпосылкой всех последующих суждений Лаврова о человеке как критически мыслящей личности служит его положение о примате практического, творческого по отношению к познанию и знанию. Хотя наипервейшей реальностью для человека является сознание и самосознание, только в сфере практики человек становится человеком в полном смысле этого слова: «Личность сознает себя свободной, желающей для себя и ответственной перед собою в своей практической деятельности. Это личный принцип свободы...». Критически мыслящая личность для Лаврова – это прежде всего личность-деятель, социальная личность. Концепцию происхождения критически мыслящей личности, ее принципов (содержаний сознания) и исторического смысла ее деятельности в настоящем и будущем Лавров изложил в «Исторических письмах» (1868 – 1869) и наполнил более конкретным социальным, историческим и политическим содержанием в работе «Социальная революция и задачи нравственности» (1884). Вкратце ход рассуждений Лаврова таков. Уже на заре человеческой истории в условиях жесткой борьбы за выживание «выработались счастливые единицы, способные лучше мыслить... способные изобрести средства для охранения своего существования... и эта первая, совершенно естественная аристократия, между двуногими создала человечество». Постепенно в силу благоприятного положения в обществе эти индивиды накапливали знания, хранили и совершенствовали идеалы, «могли развивать в себе страстную любовь к истине и справедливости, готовность принести за них в жертву свою жизнь и свое благополучие...». Иначе говоря, эти люди были на острие прогресса и, «как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях...». Вместе с тем на плечи критически мыслящих личностей ложится огромная ответственность, проистекающая главным образом из осознания ими того, что само их существование оплачено страшно высокой ценой – дикостью, невежеством, нищетой, эксплуатацией и несвободой основной массы населения во всех поколениях истории. Так возникает идея цены прогресса и долга интеллигенции, являющейся специфическим сообществом критически мыслящих личностей. Этот долг выражается в том, чтобы двигать отечество по пути прогресса, стремиться осуществить лучшие идеалы человечества. Личность оплачивает свой долг тем, что она «должна развить в себе понимание общественных интересов, которые суть и ее интересы; она должна направить свою деятельность на внесение истины и

справедливости в общественные формы...». На этом пути происходит слияние индивидуального с общественным. В дальнейшей своей разработке теория критически мыслящей личности перерастает в вопросы о том, что такое прогресс, каково будущее, пути и средства его достижения, каков в этой связи смысл истории, с какими конкретными социальными формами связано развитие человечества в будущем. Таким образом, теория личности Лаврова неотделима от его философии истории и общества.

Социальная философия

В самом общем виде прогресс, по Лаврову, – это приближение к идеальному, лучшему. Развитие «нравственного идеала в... жизни человечества составляет для каждого единственный смысл истории, единственный закон группировки событий, закон прогресса...». Безусловно, такое определение прогресса является неполным, в него не входят экономическая, политическая, юридическая и многие другие составляющие прогресса. Но важно учесть, что Лавров опирался на уровень развития существовавших в его время общественных наук, и он ясно осознавал то, что «закон исторической последовательности в её целом еще не найден...». Столь же этикоцентрично и антропоцентрично Лавров судит и об орудиях, движущих силах прогресса. По существу, все достижения цивилизации: наука, искусство, нравственность, – суть орудия прогресса, однако его главным агентом является критически мыслящая, деятельная личность, личность в основе своей героическая и жертвенная, точнее жертвенно-искупительная в своем стремлении даже собственной жизнью оплатить цену за обретение (за счет труда народа) своей образованности. Она же является и ядром прогресса, и первой потенциальной жертвой в борьбе за него. В этом отношении теория прогресса Лаврова – очень русская и очень интеллигентская. В ней ярко высветилась глубокая и щемящая боль передовой интеллигенции за судьбу народа, вина перед ним. Идея искупительной миссии интеллигенции стала для многих общественных деятелей в России своего рода компенсацией, контрдействием, направленным против государственного деспотизма, бюрократизма, бесправия и насилия над человеком со стороны власть предержащих. Лавров много писал на общественные темы. Чаще всего его интересовала роль личности в обществе, значение и сила идей в жизни людей, место человеческого фактора в поступательном развитии истории. Уже в ранних работах им было высказано много глубоких мыслей общедемократического содержания. В более поздних запечатлено влияние передовых социалистических концепций, бытовавших в Европе второй половины XIX века. Особенно заметно это влияние в главе «Теория и практика прогресса» во втором издании его книги «Исторические письма». Здесь Лавров прямо ставит вопрос об экономических факторах развития истории и борьбе классов. Во многом созвучны нашему времени его слова: «...настоящий экономический строй неправилен... Прогресс в настоящем возможен лишь путем радикального изменения этого неправильного экономического строя и заменю его оснований иными, допускающими возможно большее внесение в жизнь свободы и равенства, допускающими правду в общественной жизни». Если центральной движущей силой прогресса, ее авангардом является критически мыслящая личность или – в более поздней терминологии – интеллигенция, и даже социалистическая интеллигенция, то основное содержание деятельности личности и интеллигенции составляет общественный идеал. «Личность» и «идеал» – две главные категории теории прогресса Лаврова. «Идеалом общества, – пишет он, – является для нас... общество личностей равных, солидарных друг с другом по своим интересам и по своим убеждениям, живущих при одинаковых условиях культуры и устранивших по возможности из своей среды все враждебные друг другу аффекты, всякую форму борьбы за существование между членами общества». Даваемое Лавровым определение общественного идеала содержит в себе как общие для народнического мировоззрения черты (солидарность, уравнительность), так и специфически лавровское

понимание личности и общества (характерен в этой связи акцент на необходимость устранения негативных аффектов, т.е. чувств и страстей). Хотя определение нравственного идеала в рамках философии истории революционного народничества лежало в рамках идеалистического радикализма и утопизма, оно вместе с тем предполагало и решение вопроса о субъективном и объективном в общественном развитии. Лавров прямо указывает, что поскольку идеал связан с пониманием его критической, развитой в научном и нравственном отношениях личностью, то он субъективен, но эта субъективность, с одной стороны, критична, с другой – включает в себя осознание зависимости истории от природы, сообщающей идеалу естественноисторические основания. То есть этот идеал хотя и субъективен, но в своем содержании он научен, основывается на объективном знании. Сам Лавров так разъясняет место и связь субъективного и объективного в генезисе и реализации идеала: «...понимать историю – значит понимать ясно способы осуществления нашего нравственного идеала в исторической обстановке. Наш идеал субъективен, но, чем лучше мы его проверим критикой, тем больше вероятия, что он есть высший нравственный идеал, возможный в настоящую эпоху. Мы прилагаем этот идеал к объективным фактам истории, и это не мешает им оставаться объективно верными, так как и тут верность их зависит от нашего знания и от нашей критики...». Нравственный идеал, продолжает он, «подчиняется неизбежным законам природы, как и всякие другие процессы». Положение между метафизически-идеалистическим и диалектико-материалистическим пониманием истории – так можно определить место социологии Лаврова в спектре основных направлений философско-исторической мысли. Уйдя от метафизического понимания общества, настаивая на конкретности истории («...процесс истории есть процесс не отвлеченный, а конкретный...», на первичности природы по отношению к истории и на необходимости в каждую эпоху, в каждом конкретном, всякий раз изменяющихся исторических условиях корректировать и идеал, и средства (орудия) его достижения, Лавров, между тем, не проводил принципа связи истории с естественноисторическим развитием способов производства, с материальной практикой, трудом. По Лаврову, критика и рациональность, абстрактно соотносящиеся с природной основой общества, служат способом соединения идеального (нравственного идеала) с историей и природой. Сущность исторического прогресса он связывает не с прогрессом материальных отношений, а с нравственными отношениями и идеалами, хотя последние включены в справедливые общественные отношения, справедливый строй, а более конкретно – в социализм как теорию и будущую общественную практику.

Политическая философия

Мысль Лаврова не стояла на месте, она медленно, но неуклонно двигалась в направлении к марксизму. Процесс этот был весьма сложен и характеризовался в целом стремлением к симбиозу, синтезу некоторых исходных положений антропологического материализма с идеями и принципами исторического материализма. Во всяком случае, в отличие от М.А. Бакунина, П.Л. Лавров не допускает никакого антагонизма между своими воззрениями и марксизмом. Более того, он даже пытается обосновать, конкретизировать свои социальнофилософские положения с помощью материалистического понимания истории. Особенно очевидным образом проникновение идей марксизма в его мировоззрение происходило в последние 15 – 20 лет его жизни. В «Биографии исповеди», написанной во второй половине 80-х гг., он уже гораздо более конкретно определяет общественный идеал, более точно указывает на соответствующие ему учения и движущие силы истории: «Универсалистический идеал человечества, связанного интересами коллективного труда и убеждением в потребности всеобщего справедливого общественного строя, стоит теперь в теории научного социализма лицом к лицу с заостряющейся и расширяющейся классовою борьбою, из которой старый строй не находит и не может найти

исхода и которая все больше выказывается как основная помеха человеческой солидарности»³⁰⁴. Более систематическую попытку опереться на марксистское понимание истории мы находим в работе Лаврова «Социальная революция и задачи нравственности» (1884 г.). Ход его рассуждений принимает здесь такую форму. По мере развития индустрии углубление взаимосвязи между экономикой и культурой «вызывало неизбежно представление об объединении людей во имя универсальных начал помимо различия обычаев и национальных преданий. Так как экономическая конкуренция, лежавшая в основе всех прочих, была наименее выделима из представлений об этом различии, то и все первые попытки универсализма в человечестве имели и должны были иметь место на почве тех продуктов человеческой мысли, которые, выросши из первоначальных экономических интересов, жили теперь самостоятельной жизнью и заслоняли своими высшими формами в представлении людей основные экономические побуждения»³⁰⁵. В этих условиях возникла интеллигенция как особая прослойка людей, наиболее далекая как от непосредственных экономических процессов, так и от повседневных забот, представлений и обычаев трудящихся. Однако именно в рамках этой прослойки происходил процесс накопления знания и осмысления «приемов мысли», абстрактных представлений, общечеловеческих, универсальных норм, чуждых расовым предрассудкам и даже политическим и историческим различиям. Обратной стороной этого процесса была изоляция, отчуждение развитых людей, мыслителей и мудрецов от общественной жизни, что являлось одним из препятствий к соединению высших достижений знания и мудрости с ходом самой истории. Непонимание реальных путей применения знания, нравственных идеалов к жизни вело к появлению ложных практических форм универсализма. Наиболее крупной, но неудачной, по мнению Лаврова, попыткой реализации универсализма стали различные религиозные верования³⁰⁶. И «лишь после этих неудачных попыток объединения людей на почве высших общественных потребностей выработалось понятие об объединении человечества на почве основных экономических интересов. Оно непреднамеренно выработалось и постепенно выяснилось на почве громадного развития космополитической индустрии и всемирных оборотов денежного хозяйства. Оно столь же непреднамеренно укрепилось на почве господства среди интеллигенции всех стран одних и тех же приемов и одних и тех же истин научного мышления, когда последнее стало прилагаться к вопросам общества. По словам Лаврова, всемирно церковь весьма скоро проявилась в своей эволюции как сила, «гораздо более разъединяющая людей, чем вызывающая их сознательную кооперацию, а ввиду завоеваний науки и развития научных мировоззрений универсалистическая религиозная мысль оказалась [бы] в случае своего успеха, кооперацией не для взаимного развития, а для взаимного отупения» в общественной жизни. Понятие об объединении человечества на почве экономических интересов получило нравственное значение, когда в мысли развитых людей явилось сознание, что успехи индустрии вызывают столь же громадное размножение пролетариата, поставленного в невозможность развиваться и жить человеческой жизнью. Оно сделалось действительно объединяющим элементом для человечества, когда перед экономическими интересами как интересами трудящегося класса поставлена была задача... кооперации личностей, трудящихся для общего благосостояния, затем для общего развития. Это понятие установилось как идеал нравственного общежития... Достигнув этой ступени, человечество вступило в сферу социалистической нравственности...». Из приведенных суждений легко видеть, что Лавров пытается совместить историко-материалистический подход к общественной жизни, теорию научного социализма с требованиями общечеловеческого нравственного идеала. Но что более важно, он с помощью некоторых не явно зафиксированных положений марксизма (роль экономики в жизни общества, идея всемирно-освободительной миссии пролетариата, международной солидарности трудящихся и др.) пытается укрепить свою теорию прогресса, критически мыслящей личности и интеллигенции. Эта попытка не могла быть

успешной хотя бы потому, что положение о критически мыслящей личности невольно начинает отступать на второй план, когда речь идет о пролетариате³⁰⁸. Но симптоматично само стремление радикальных мыслителей России овладеть марксизмом, применить его для осмысления социальных проблем своего времени. Это стремление вскоре породило марксистское течение в России, а затем и все его политические и идеологические трансформации. В данном случае (а это только один из целого ряда аналогичных) мы сталкиваемся с весьма любопытным феноменом, так сказать, начального этапа смены философской и социально-политической парадигмы. Своеобразная зачаточная, стертая форма изложения и применения. Выражаясь языком науковедения, старый концептуальный каркас (антропологический материализм и романтический социализм) мировоззрения Лаврова не выдерживает интеграции в него новых (марксистских) идей и понятий и в результате этого начинает деформироваться, терять некоторые свои первоначальные ключевые термины.

Последние десятилетия своей жизни Лавров был особенно тесно связан с российским революционным движением. В одном из обращений к своим единомышленникам в России Лавров писал: «...Перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа». Эти слова говорят сами за себя. Они свидетельствуют о том, что и сегодня мы можем найти немало здравых идей в наследии Лаврова, и потому его учение заслуживает серьезного изучения и самого доброжелательного к себе отношения